

Епископ Брянчанинов, высокосветский Санкт-Петербург и моя прабабушка Ольга Александровна Межакова-Данилевская

Совесть - естественный закон.

*Святитель Игнатий
(Брянчанинов),
«Аскетические опыты»*

Несколько столетий русской истории, 300 лет Санкт-Петербурга, бывшие времена... и мои предки, которые строили и творили, думали сердцем и головой, много умели и мало хотели, оставили гигантский след в отечественной культуре. Их знают немногие... Задумываюсь над правдой ушедших веков, которая вместе со мной живет и дышит и без которой не осознать будущего.

Вспоминаю мою прабабушку Ольгу Александровну Межакову-Данилевскую (1838-1908) - внучатую племянницу канонизированного в 1988 году святителя Игнатия. Дмитрий Александрович Брянчанинов - епископ Игнатий - тринадцатый представитель своего рода. Путь монашества Дмитрий определил рано, по его следам пошли три брата - Петр (родившийся в 1809 году), Михаил (в 1811-м), Александр (в 1814-м).

Род Брянчаниновых - древний и ведет свое начало от оруженосца и друга великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского - боярина Михаила Бренко (?-1380), который в великокняжеских дослехах под княжеским знаменем на коне князя геройски погиб на Куликовом поле в битве против Мамай.

Дмитрий Александрович Брянчанинов родился 5 февраля (по старому стилю) 1807 года в селе Покровском Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Его крестили в Покровской Комельской церк-

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

ви и нарекли Дмитрием в честь вологодского чудотворца Дмитрия Прилуцкого.

Отец его, Александр Семенович Брянчанинов (1784-1875), был воспитанником Пажеского корпуса, камер-пажом императора Павла I. Сын сенатора участвовал в войне с Наполеоном и очень любил порядок, роскошь, светскую жизнь. Строгий отец научил своих детей дисциплине и дал им хорошее домашнее воспитание.

Мать Дмитрия, Софья Афанасьевна Брянчанинова (1786-1892), родная сестра Ивана Афанасьевича Брянчанинова (1769-1839), прадеда Ольги Александровны Данилевской-Межаковой (1838-1908), была хорошо образована. Любя детей, она развивала в них способности к музыке, живописи, литературе. Ее старший сын Дмитрий, серьезный с раннего детства, был особенно одарен, умен и очень красив: высокого роста, стройный и статный, русский, кудрявый, с прекрасными темно-карими глазами с какой-то безнадежной, глубокой грустью. Рано научившись читать, он в уединении часами просиживал за книгами. Позже в своих «Аскетических опытах» он писал: «Сам

Бог мыслию благою уже отделил меня от суетного мира». В пятнадцать лет Дмитрий с блеском выдержал экзамены в Военное инженерное училище в Петербурге, был зачислен во второй класс и очень быстро привлек внимание великого князя Николая Павловича. Будущий император лично знал Дмитрия Александровича, любил его и относился к нему с большим уважением. Знакомство с Николаем I, родственные связи с президентом Академии художеств и членом Государственного совета Алексеем Николаевичем Олениным (1763-1843) ввели Дмитрия Брянчанинова в высокосветское общество Петербурга и готовили ему блестящую карьеру. Родная сестра матери Варвара Брянчанинова была замужем за Федором Марковичем Полторацким (1764-?), братом Елизаветы Марковны Полторацкой-Олениной (1768-1838), в доме которой собирались виднейшие представители науки и искусства. Салон Олениных был знаменит в столице. В нем, встречаясь с Гнедичем, Крыловым, Батюшковым и Пушкиным, Дмитрий Брянчанинов развил свое литературное дарование.

Покровское в наши дни. Сейчас здесь открыт культурно-просветительский и духовный центр «Усадьба Брянчаниновых». Фото Алексея Колосова

Герб Межаковых

Преданный православным идеалам, Дмитрий Александрович, блистательно окончив Петербургское инженерное училище в чине поручика, подал прошение об увольнении, на что император ответил отказом. Годом позже, осенью 1827 года, Д. А. Брянчанинов повторил прошение и, получив высочайший указ об отставке, начал полную испытаний и лишений духовную жизнь.

Самоотречение сына родители понять не сумели и не хотели... Они отказали ему в помощи, перестали писать ему письма.

Послушник Димитрий, с детства мечтавший быть монахом, нашел свое счастье сначала в Александро-Свирском монастыре, а затем служил Господу в других обителях до тех пор, пока не исполнилось его заветное желание. 28 июня 1831 года вологодский епископ Стефан в кафедральном Воскресенском соборе совершил постриг в монашество и нарек Игнатием в честь священномученика Игнатия Богоносца. Духовно зрелый Игнатий очень скоро стал строителем Пельшемского Лопотова монастыря и возродил его заново... За это его 28 января 1833 года возвели в сан игумена.

О благородной и энергичной деятельности Брянчанинова заговорили в Петербурге, и уже в конце 1833 года игумен Игнатий стал управлять Троице-Сергиевой пустынью в Стрельне, на берегу Финского залива, близ столицы. Возведенный в сан архимандрита, Игна-

Щит, разделенный надвое, имеет малую голубого цвета вершину с изображением на оной осмиугольной золотой звезды, а нижней половину серебрянную, в которой в правом серебряном поле находится стоящий на земле лев, а в левом красном поле серебряная птица с распростертыми крыльями. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною. Намет на щите голубой и красный, подложенный золотом.

тий принялся с большой энергией восстанавливать пришедшие и ветхость храм и кельи, всем сердцем отдаваясь этому делу. Все было заново перестроено, был создан замечательный хор. В тридцать один год архимандрита Игнатия назначили благочинным всех монастырей Санкт-Петербургской епархии. Его знали во всех слоях столичного общества. Для святителя все двери столицы были открыты. Он же в глубине души оставался аскетом-пустынником.

Сохранились писания архимандрита Игнатия о христианской жизни. Им прекрасно изложены учения святых Отцов и выражены новые мысли, обретенные им в духовных исканиях.

30 апреля 1867 года в Николо-Бабаевском монастыре епископ Игнатий отдал Богу душу. На шестой день тело епископа Игнатия было отпето.

Рака с мощами святителя Игнатия находится в Введенском храме Толгского монастыря Ярославской епархии.

Моя вологодская прабабушка Ольга Александровна, мать моего деда Ивана Николаевича Данилевского (1877-1933), земского начальника и мирового судьи Ялтинского уезда в Крыму, родилась в семье родовитого помещика в имении Никольском, которое разрасталось с 1613 года. Ее предок - казачий атаман, присоединившийся к Пожарскому и Минину во время битвы за Москву, Филат (Феофилакт) Васильевич Межаков (? - 1627) был одним из освободителей

Михаил Федорович Межаков

Кремля от поляков. Жену его звали Фетинией. На Земском соборе в 1613 году Филат Межаков участвовал в избрании первого русского царя из рода Романовых - Михаила Федоровича. Донской атаман Ф. В. Межаков за заслуги перед Отечеством получил земли в селах Никольское и Заболотье на Вологодчине.

Его потомки - продолжатели рода Межаковых в числе городских дворян служили в столице российскому престолу и были жалованы от государей землями и грамотами. Они несли в свои поместья изысканные вкусы и модные направления из Петербурга, разбивали пейзажные или ландшафтные сады и парки, введенные Екатериной II. Столетиями разрастался парк Межаковых в селе Никольском и в начале XX века стал уникальным северным дендрарием.

Род Межаковых внесен в родословную книгу, в шестую часть, древнего дворянства. Среди Межаковых были и поэты, и

писатели, и ученые, и государственные деятели, и дипломаты, а также доблестные своими заслугами офицеры.

Отец Оли, замечательно образованный человек, Александр Павлович Межаков (1812-1859) был членом императорского Русского географического общества, а также членом Московского общества испытателей природы и акклиматизации. Он опубликовал много научных работ о животном и растительном мире. В формулярном списке коллежского секретаря А. П. Межакова за 1843 год указано, что он в 1829-1830 годах служил в Департаменте внешней торговли, в 1834-1841 годах - в Санкт-Петербурге в Министерстве иностранных дел, в департаментах внешних и внутренних сношений. Дважды удостоивался «благоволения» Николая I - за работу в комитетах «для вспомоществования пострадавшим от холеры» в 1851 году и для вспоможения потерпевшим от пожара 8 июня 1831 года в Санкт-Петербурге.

Олина мать, Юлия Францевна Тиран (1813-1853), была французских и немецких кровей, православного вероисповедания и родилась в Санкт-Петербурге. Дочь хозяев легендарной гостиницы «Демут» - Елизаветы-Терезин Демут (1781-1837) и французского аристократа Франциска-Людовика Тирана (1777-1817), служившего адъютантом петербургского военного губернатора графа Петра Алексеевича фон Палена (1743-1826). Родители рано умерли, и в двадцать один год моя любимая прабабушка Ольга Александровна осиротела.

Ее опекуном стал дед, Павел Александрович Межаков (1788-1865). Сын Варвары Михайловны Нероновой (?-1815) и секунд-майора Александра Михайловича Межакова (1753-1809), он получил блестящее всестороннее образование и огромное наследство, подолгу жил в Петербурге в собственном доме, любил благотворительную деятельность и щедро делал пожертвования.

Его отец был участником русско-турецкой войны. В 1773 году воевал на левом берегу Дуная в Румынии «на остро-

ве при городе Журже» и в 1774 году «за Дунаем при болгарском городе Рушук» - на правом берегу Дуная. А. М. Межаков в 1783-1784 годах был сначала заседателем вологодской палаты уголовного суда, затем до 1790 года там же служил советником. Позже стал директором народных училищ Вологодской губернии.

Дед моей прабабушки, поэт и писатель П. А. Межаков, действительный статский советник, знавший несколько иностранных языков, был переводчиком в Коллегии иностранных дел, позже в комиссариатском штате военного ведомства. В 1805-1806 годах состоял в Неаполитанской миссии, участвовал в походах против Наполеона. В 1853 году был награжден орденом святой Анны 2-й степени и бронзовой медалью «В память Крымской войны 1853-1856 гг.» на Владимирской ленте. В 1855 году за формирование и снаряжение вологодского ополчения удостоился благоволения государя. П. А. Межаков открыл в 1817 году школу для крестьян, а в 1827 году - первую в Вологодской губернии лечебницу

для крестьян. Предводитель дворян Вологодской губернии с 1850 по 1856 год, в семьдесят шесть лет был избран уездным предводителем дворянства.

Свою рано ушедшую из жизни бабушку, Ольгу Ивановну Брянчанинову (1794-1833), моя прабабушка знала только по воспоминаниям родных. Знала, что была она внучкой Афанасия Матвеевича Брянчанинова (1746-1786), фюрера лейб-гвардии Семеновского полка в 1764 году и прокурора в Архангельской губернии с 1784 года, и его первой жены Ольги Федоровны Муравьевой (?-1770). В ее честь она была названа Олей и имя свое любила. Второй женой Афанасия Матвеевича была Елизавета Павловна Олсуфьева. Она умерла в 1775 году. Через девять лет А. Ф. Брянчанинов снова женился - на Дарье Петровне Латышевой. Она родила ему дочь Софью, которой волей Бога суждено было стать матерью святителя Игнатия.

Детство Олечки Межаковой прошло в роскошной усадьбе с домом-дворцом, построенным в екатерининское время.

Ярмарка в Никольском. Март 1913 или 1914 г.

В доме была сорок одна комната. Он соединялся со зданием картинной галереи и располагался в уникальном парке со статуями, античными вазами, изящными беседками, с прудами и гротами. Здесь росли редчайшие породы деревьев и разнообразных кустарников. Вокруг благоухали цветы... Среди зеленых лугов колыхалась европейская купальница, пестрели весенние тюльпаны и крокусы, воздух был наполнен пением птиц, на «каменной горке» резвились дети... Смеялось весеннее солнце Севера. Юные мечтали на «островке любви» (насыпной островок в середине пруда). Он дышал счастьем! Трудились все лето в своем имении, зимой - в Петербурге.

В Вологодском краеведческом музее хранятся некоторые издания из богатейшей, для потомков бесценной библиотеки из имения Межаковых. Среди ее книг были сочинения Игнатия Брянчанинова, труды Александра Павловича Межакова и Николая Яковлевича Данилевского (1822-1885), собрания сочинений писателей XVI-XIX веков на разных языках, уникальные издания в кожаных переплетах, с инициалами «А.М.» в самом центре обложки. Там же хранятся две семейные реликвии. Одна из них - «Статистические исследования о распределении движения народонаселения России за 1816 год» Н. Данилевского с дарственной надписью: «Александр Павловичу Межакову от автора». Книга издана в Санкт-Петербурге в 1851 году.

Вторая книга из библиотеки Дмитрия Брянчанинова издана императорской Академией наук в 1805 году в Петербурге. «Краткое руководство по красноречию», по всей вероятности, с автографом Дмитрия Брянчанинова и его собственноручными надписями.

Вологодский дом Межаковых любил. Разбирая визитные карточки, узнаешь, что здесь собирались самые влиятельные лица России, сливки столичной знати, которая знала литературные вечера Павла Александровича в его петербургской квартире, где встречался весь

Александр Павлович Межаков

цвет русской поэтической мощи. Дружеские отношения с Г. Р. Державиным и К. Н. Батюшковым, Н. И. Гнедичем, П. А. Вяземским восторженно воспеты Павлом Александровичем в его стихах, изданных в столице в 1828 году.

Быт Межаковых был красивым, жили они с размахом. Частную коллекцию картин в собственной галерее украшали полотна Рембрандта, Гвидо Рени, Рейсдаля, здесь висел один из лучших портретов Джорджа Доу. На полотне художника (закончено в 1821 году) изображена чета Межаковых, моих прапрапрабабушки Брянчаниновой и ее мужа, поэта, дипломата Павла Александровича (сегодня висит в музее Вологды).

Там же хранится конфискованная у владельцев коллекция английских гравюр и другие семейные портреты. Часть

Варвара Михайловна Межакова (Неронова)

картин из коллекции Межаковых была продана и вывезена во Францию. «Старуха в чепце» находится в Эрмитаже, портрет княгини Софьи Засекиной, родной сестры Павла Межакова, хранится в Тюменском краеведческом музее.

Вспоминая княгиню Софью Александровну Засекину, нельзя не рассказать о ее бисерной вышивке на столешнице, над которой княгиня трудилась шесть лет. На ней в изысканном венке из разнообразных ярких цветов в пастельных бело-болотных тонах оживает античная сцена, в правом углу - инициалы «К.С.З.» и дата - «1831 год». Под вышивкой лежит письмо Павлу: «Вышила сей стол для брата, друга и благодетеля моего Павла Александровича Межакова. Начала 1841 года декабря 18 дня в с. Никольском, кончила 1831 года февраля 20 дня в Петербурге. Княгиня Софья Засекина, урожденная Межакова, и прошу оный стол хранить и отдавать всегда старшему сыну как памятник братской дружбы и трудолюбия». Стол с би-

серной вышивкой, вне сомнения, после смерти Павла Александровича перешел к его внуку Александру Александровичу Межакову (1834-1897), родному брату моей прабабушки Ольги. Многие годы стол украшал дом Павла Александровича в Петербурге. В столице жила и княгиня Засекина. Покровительница наук и искусства княгиня Тенишева организовала в Париже в 1907 году выставку, на которой была выставлена и работа княгини Засекиной. Она заняла первое место.

Что произошло со столом дальше, узнать пока не удалось. Известно только, что в 1978 году в одной московской коллекции появился стол карельской березы в неоготическом стиле с писанными масляной краской фамильными гербами на круглых картушах и бисерной вышивкой. Безмолвная реликвия Межаковых продолжает жизнь! У кого этот стол сегодня? Он тихо ждет своего часа, чтобы дополнить рассказ о том, что было, о том, что миновало. Пережив революцию и войны, чувствую, что стол рвется в музей, в Вологду, где можно любоваться и другими семейными ценностями моих вологодских и петербургских предков, вспомнить о тех, кто умел создавать шедевры, а также почувствовать особую атмосферу того времени с его укладом и традициями...

В родовом гнезде Межаковых - в селе Никольском были и собственный театр, и оркестр из 30 человек. Сиянием солнца сверкал архитектурно-церковный ансамбль, на переднем плане которого - каменная церковь Межаковых, где крестили их детей, Олечку - тоже.

Она выросла среди петербургской и вологодской знати, ученых, поэтов, художников, дипломатов и политических деятелей. Ольга говорила, кроме русского, на французском и немецком языках, получила хорошее домашнее образование, любила природу и книги, умела рисовать.

В те далекие времена молодые девушки увлекались вышивкой, а те, кто умел, расписывали себе в приданое фарфоровую посуду. Оля Межакова долго и с

любовью трудилась над сервизом, который состоял из 56 предметов и который, выйдя замуж, она взяла с собой в Мшатку. От этого красивого сервиза остались один молочник и большое блюдо диаметром в 35 сантиметров. Ему больше 140 лет, но оно в хорошем состоянии и висит и моем доме на стене, рядом с ним на черной полке стоит и молочник. На блюде и молочнике - мотив цветов в разных композициях пастельных тонов, от желто-розового до сиренево-голубого, с болотно-зеленоватыми стебельками и листочками.

Помню, в раннем детстве были еще закусовые и десертные тарелочки от этого сервиза. Мы ими ежедневно пользовались. Летом в жару, когда семья любила полакомиться арбузом, он, большой, зеленый, в полоску, красовался на этом блюде. Резать его на глубоком блюде было трудно, для этого использовалась одна из тарелочек. Часто вспоминаю, как на нее клали тяжелый арбуз и огромным кухонным ножом, какие бывают только в лавках мясника, прикладывая усилия, разрезали. Арбуз тяжело распадался на две части, а тарелочка с треском распадалась в разные стороны. Дети, увлеченные едой, смеялись, а мама, боясь, что кто-нибудь поранит руки, быстро бросала драгоценные половинки в мусорное ведро. Прошли годы, и тарелочек не стало, блюдо же и молочник проделали длинный путь по российской земле из Вологды в Крым, затем на Кавказ, долгое время находились в Эстонии и Ленинграде, пока не переехали ко мне, сначала в Гамбург, а потом и в Любек. Роспись на фарфоре, с таким изяществом сделанная моей молодой прабабушкой, радостно улыбается свежестью красоты и живостью рисунка и так прекрасна, что забываешь о том, что это изысканное произведение искусства больше ста лет украшало праздничные столы моих предков, мамы и друзей. Последние тридцать шесть лет я берегу его и очень редко, в исключительных случаях, ставлю на стол, покрытый белой кружевной скатертью.

Каждый раз, когда я дотрагиваюсь до этих реликвий, мне вспоминаются разные торжества из жизни мамы. Когда она ждала гостей, на середину блюда горкой укладывалось ароматное картофельное пюре, потом мама обкладывала его небольшими рублеными котлетками, сделанными из индейки с говяжьим фаршем, причем светлое мясо птицы рубилось мелкими кусочками. В каждую котлетку мама обязательно вкладывала крохотный ломтик сливочного масла, приговаривая: «...Так было и так будет». Вокруг выросло что-то вроде большой улитки, по которой порхали воздушные веточки душистого укропа. Мама готовила хорошо, всегда красиво и безумно вкусно. Во время кухонных чаепитий часто вспоминала воспетый А. С. Пушкиным «...страсбургский пирог нетленный», речь шла, конечно, о знаменитых страсбургских запеченных в тесте паштетах с темными кусочками дичи. Первым привез их в Россию, вспоминала мама, пе-

Павел Александрович и Ольга Александровна Межаковы

реселившийся из Страсбурга в Петербург ее прапрапрадед, немецкий купец Филипп Якоб Демут (1750-1802), в свой трактир при гостинице «Демут» в Петербурге, который так любил посещать А. С. Пушкин.

В Эстонии рецептура котлет, к маминому огорчению, изменилась, там не было индейки. На этом активная жизнь вологодского сувенира в России временно остановилась. Бесценным блюдом, перебравшимся вместе со мной в Германию, пользуюсь я. Оно продолжает свою яркую сказку жизни, но рвется в Мшатку...

Когда Ольге Межаковой исполнилось двадцать три года, она вышла замуж за Николая Яковлевича Данилевского.

В метрической книге Николаевской Заболотской Ружной господской церкви Кадниковского уезда Вологодской губернии за 1861 год имеется актовая запись о бракосочетании 15 октября тридцатипятилетнего (правильно тридцатидевятилетнего) служащего департамента сельского хозяйства надворного советника Николая Яковлевича Данилевского и двадцатитрехлетней дочери умершего надворного советника А. П. Межакова Ольги Александровны Межаковой. В качестве свидетелей в церкви присутствовали: со стороны жениха - коллежский регистратор Михаил Павлович Межаков, родной брат отца Ольги (родился в 1815 году), и подпоручик Николай Гаврилович Кузьмин. Со стороны невесты - прапорщик Павел Межаков (1837-?) и коллежский секретарь Александр Александрович Межаков (1839-1897) - братья Ольги.

В этой же церкви 16 августа 1862 года супруги Данилевские крестили своего первенца, дочь Веру, рожденную в Вологде 7 августа. Крестным отцом был дед моей прабабушки Павел Александрович Межаков, крестной - вдова Мария Александровна Межакова, вторая жена отца Ольги.

Вологда была местом ссылки Н. Я. Данилевского, здесь он потерял и свою первую жену Веру Николаевну Лаврову, вдову генерала А. Н. Беклемишова, которую

с юности любил. 14 июля 1853 года, через несколько дней после смерти жены, Н. Я. Данилевский написал А. П. Межакову письмо: «Дорогой друг мой, Александр Павлович. По характеру своему я не способен к отчаянию и теперь, когда все прошло, скажу Вам искренно, что как любовь моя, так и горе мое, при всей силе их оставались всегда сознательными и обдуманнами, поэтому прошедшее ручается у меня за будущее, да я и желаю, чтобы было так. Понесенная мною потеря вполне показала мне тщету всего, кроме христианских убеждений, ибо они одни, когда все потеряно здесь, дают надежду на возвращение всего там в лучшем и совершеннейшем виде». В письме от 5 сентября 1853 года из Астрахани есть такие строки: «...я очень рад, что пришлось путешествовать, хотя всякую мысль о счастье пришлось оставить. Слава Богу, есть развлечение или правильнее - отвлечение...».

Бесперывные научные экспедиции облегчили страдания Николая Яковлевича. Время залечило его раны. В жизни появились новые радости. В письме к другу от 9 сентября 1857 года из Астрахани Николай Яковлевич писал: «...Бог даст, по окончании экспедиции побываю и к Вам. Потому что Никольское - одно из тех мест, куда меня наиболее тянет. Не любил я Вологду, как место изгнания, а теперь она служит для меня и лучшим из личных воспоминаний...».

Дочь друга, Ольга, была подростком, когда впервые встретилась с Николаем Яковлевичем Данилевским, на его глазах она выросла, расцвела и спустя девять лет после смерти его первой жены стала второй любящей и любимой спутницей жизни моего прадеда. Начались счастливые супружеские годы. В 1868 году в семье Данилевских родилась вторая дочь - Варя, в 1871 году - Николай, в 1874 году - Сергей, а в 1877 году - мой дедушка Иван. Семилетний Григорий умер в 1872 году.

Ольга Александровна была чуткой матерью и хорошей хозяйкой, воспитала, кроме своих детей, трех приемных,

среди них - крестьянского мальчика Алешу, девочку Лизу. Всем дала хорошее образование. В доме в Мшатке создала уют и красивую жизнь, берегла разросшийся уникальный парк мужа, в котором и сама выращивала цветы, вместе с детьми разводила новые виды растений. Хозяйство в купленном в 1867 году имении Абильбах (с татарского - Белый сад) в Мшатке на южном берегу Крыма было прекрасно налажено. Оно кормило большую семью, постоянно гостивших родственников и друзей и поставляло отборные сорта фруктов в Елисеевский магазин Петербурга и Москвы.

В этом одухотворенном уголке Крыма, где Н. Я. Данилевский заложил основы понимания разных культур как самостоятельного процесса в системе Вселенной, жизнь закипела ключом. Пророческие мысли титана в окружении друзей обсуждались и зрели. Мшатку любили и хорошо знали столичные почитатели Данилевских, среди них - именитые политические деятели, поэты, писатели, художники, философы, офицеры высоких чинов, золотопромышленники. Лев Николаевич Толстой, протоптав несколько километров, пришел сюда пешком, здесь гостили Аполлон Николаевич Майков, Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, его брат Николай Петрович Семенов, Афанасий Афанасьевич Фет, Иоганн Келлер, Василий Евменьевич Савинский, Дмитрий Александрович Милютин, Николай Николаевич Страхов и многие другие.

Фасад дома Межаковых в Никольском

«...Соберутся иной раз у барина гости, все ученые, профессора, генералы, начнут говорить, не заслушаешься... древние книги на непонятных языках разбирал... но всего больше любил путешествия в Малую Азию, Кавказ вдоль и поперек исколесил, утро любил... нет для чистых и хороших мыслей лучшего часа, как ясное утро».

«Веселый, как всегда, с мелкими и быстрыми шагами, гуляя по парку, рассуждал о своей науке. Его небольшой белый домик почти сплошь скрыт зеленью вьющихся растений: чудный сад уступами сходит к самому морю, солнце нежит и греет, в воздухе разлит тонкий запах цветов. Вечером в уютной гостиной, у самовара собралась семья и обычные гости, а из сада несетя запах роз и раздастся тихий плеск моря... хорошо!» - вспоминала о моем прадеде и Мшатке Мария Александровна Межакова (1867-1930), родная племянница Ольги Александровны. Ценность имения подчеркнута и в докладной записке в Управление Южсовхоза о принятии имения в его ведение 29 декабря 1920 года: «...Вообще «Мшатка», бывшая Данилевских, представляет собой очень ценное имение, могущее дать весьма значительный доход от эксплуатации угодий. Почва ее значительно глубже соседних, с большим процентом перегноя, склоны к морю более пологи. Существующие фруктовые сады, пашни, виноградники давали хорошие урожаи...».

В нашем имении Мшатка появились новые распорядители. Они, недолго думая, наше поместье назвали поселком Южный, а для порядка и чистоты залили все вокруг горной смолой. Наверное, так надо, подумали люди. И замолчали на десятилетия. Грустно и горько стало в исторической Мшатке!

22 октября 1885 года, во время своей последней экспедиции на озеро Гохча, от грудной жабы умер Н. Я. Данилевский. Это произошло в Тбилиси, вскоре после того, как он завез в Россию форель. «Ишхан» называют армяне эту рыбу в пресноводном горном озере Севан.

О. А. Данилевская прожила со своим любимым мужем 24 года и 6 дней, ей было 47 лет, когда она облачилась в траурные одежды.

В одном из писем к Толстому Страхов пишет: «...в самый день и час смерти Ольга Александровна видела Николая Яковлевича. Она не спала, была одета и не думала о нем в эту минуту. Вдруг ей явилась его голова на подушке, с болезненным выражением. Она дважды провела рукой по его щеке, говоря: «Милый мой, дорогой». Но все исчезло, и она вскочила, не понимая и удивляясь тому, что было. Она даже не встревожилась и приписала все нервам. Последняя телеграмма была очень успокоительной. На другой день весть о смерти была для нее совершенно неожиданной, и теперь, вспоминая свое видение, она твердо уверена, что он приходил проститься... Глубоко трогает меня эта женщина, она ежеминутно сдерживает свое отчаяние и, как я знаю, спать настоящим образом не может».

Тело дорогого мужа Ольга Александровна перевезла в Мшатку и похоронила в семейной усыпальнице в «Кипарисовом зале». «На могилу у далекого южного моря легла мраморная плита», - вспоминает вологодская племянница моей прабабушки Мария.

По маминим рассказам знаю, что на зеленом лугу погоста справа, ближе к середине, недалеко от ворот их могилы слились. На ней стоит один большой крест, вокруг цветут цветы. Сначала было два креста, в изголовье Ольги Александровны покоится любимый муж. На левой стороне в «Кипарисовом зале», если смотреть со стороны моря сверху вниз, - одна за другой могилы родных.

В непрерывном движении в «Кипарисовом зале» своей дорогой, друг за другом летят души усопших в новый мир...

Зеленые кипарисы образовали небольшую площадку, за ними - прямоугольная, в черно-бело-серой гальке, широкая тропинка. В память трагически погибшего друга дедушка Ваня назвал ее «Виссарионовой тропой». За ней возвышается каменная стена бутовой кладки, по которой проложена колючая проволока серебряного цвета. Тяжелые резные ворота в сторону моря - тоже серебряные, на дверях висит замок. При входе в «Кипарисовый зал» за ограждением с левой стороны можно увидеть большой серый камень, а за ним разрастается «Весенний сад».

Всё связано-повязано.

Инна РАУ
«История Петербурга»,
№ 2 (24), 2005 г.

Могилы Николая Яковлевича Данилевского в Мшатке

Инна Михайловна Рау родилась в Тбилиси. Художница. С 1967 года живёт в Германии. 15 самостоятельных выставок в Германии и Дании. Автор многих статей в журнале «История Петербурга» и разных газетах. «Вологодский ЛАД» опубликовал ее статью «Мой прадед Николай Яковлевич Данилевский» (№1, 2008 год).